

Национальные модели информационного общества

Повышение роли технологий в развитии общества особенно очевидно проявило себя в информационной сфере. Возникнув как инфраструктура и обладая уникальной динамикой, информационные технологии за последние десять лет превратились в системообразующую отрасль современной цивилизации и соответственно стали причиной ее глобальных трансформаций. Началось изменение вещественных и институциональных оснований общественной жизни, связанное с отказом от законов и отношений индустриального общества. Сущностью этого перехода стала замена индустриального общества обществом информационным, в процессе которой обновляются значимые факторы экономического и социального развития. Важнейшую роль начинает играть скорость происходящих трансформаций, которая зависит от способности того или иного общества актуализировать свой инновационный потенциал с опорой на достижения в сфере информационно-телекоммуникационных технологий.

Общество трансформируется в информационное тогда, когда соответствующие технологии – инфраструктура, производство, знания – занимают в нем сильные позиции, экономика становится динамичной, инновационной и конкурентоспособной на мировом рынке, а его общественная система – политически открытой. Как и индустриальному обществу, ему присущи определенные, общие для всех стран, черты. Новое общество основано на генерировании знаний и обработке информации с помощью новых технологий, его организационной основой является сетевая модель, главные формы его активности интегрированы в сети глобального уровня, которые работают как целостный организм благодаря телекоммуникационной и транспортной инфраструктуре.

Можно сказать, что практически все современные общества движутся в направлении интеграции в *глобальное информационное сообщество*, даже если в большинстве стран мира эта трансформация затрагивает пока только базовые функции и процессы, связанные с глобальными сетями создания материальных благ, передачи и обработки информации.

Вместе с тем, сегодня можно наблюдать разнообразие путей продвижения к информационному обществу, обусловленное исторической традицией, культурой и политической историей конкретных стран. Как отмечает известный американский социолог М.Кастеллс, между информационными технологиями и глобальной экономикой “лежит

сфера человеческого многообразия» [3]. Взаимоотношения информатизации, глобализации и национальной идентичности сложны и противоречивы. С одной стороны, проблематичность учета ценностных пристрастий в рамках глобальных сетей производства и распределения материальных благ и информации порождает в обществах неоднозначную реакцию. Современная теория сетевого общества вынуждена не только анализировать глобальную информационную экономику, но и рассматривать проблемы, возникающие вокруг утверждения культурной идентичности, поскольку уже существует опыт разрушения сложившихся культурных сообществ и ценностей. В такой ситуации фундаментализм, используя стремление народов и отдельных социальных групп к сохранению и распространению собственных языков, культур, идентичностей и ценностей, воздвигает барьеры на пути информационного обмена и применяет методы жесткого воздействия.

Тем не менее, наступающая информационная эпоха – это глобальная, разнообразная и мультикультурная реальность, которая проявляет себя во множестве складывающихся социокультурных моделей информационного общества. С другой стороны, все большее внимание аналитиков привлекает проблема встраивания культурных традиций в новые экономические порядки, их роль на этапе перехода к передовым экономическим и социальным формам организации.

Анализ основных параметров передовых в информационном отношении обществ позволил М.Кастеллсу и П.Химанену [3, с.26] выделить сложившиеся модели информационного общества: *модель Силиконовой долины* – открытое информационное общество, регулируемое преимущественно на основе рыночных механизмов; *сингапурская модель* – авторитарное информационное общество; *финская модель* — открытое информационное общество благосостояния. Перечень моделей, безусловно, может быть расширен и продолжен, особенно если предметом анализа станут страны азиатского континента, представляющие современную дальневосточную цивилизацию.

Особый интерес представляет сопоставительный анализ финской и японской моделей информационного общества [3]. Япония и Финляндия вступили на путь создания динамичной экономики только во второй половине XX в., кроме того, определенной корректировки требуют сегодня некоторые стереотипы восприятия этих стран, сложившиеся в массовом сознании и получившие широкое распространение.

Одна из краеугольных ценностей финского общества – государство всеобщего благоденствия, которое обеспечивает высокий уровень благосостояния и социальной защиты

населения, отсутствие резкого имущественного расслоения, а также сохранение природной среды¹.

В последнее время Финляндия приобрела славу одной из наиболее передовых в технологическом отношении стран и, наряду с США, лидирует по таким показателям, как количество сайтов на душу населения и доля пользователей Интернета в общей численности населения. В основе финской экономики лежит производство, ориентированное на информационные технологии: в 2000 г. в нем трудилось 34% занятого населения. В этом секторе было создано 45% ВВП, что составило треть общего объема экспорта.

Таким образом, сегодня главное своеобразие страны состоит в сочетании информационного общества с социальным государством, которое среди прочего обеспечивает совершенно бесплатное, высококачественное государственное (в т.ч. университетское) образование.

Правительственная стратегия построения информационного общества имеет ярко выраженную социальную направленность. В перечень ее основных целей входит создание сети, охватывающей все образовательные учреждения и библиотеки, использование информационных технологий в образовании, обеспечение сетевой грамотности, создание в экономике процветающего “кластера” информационных технологий.

Политические стратегии ориентированы на будущее страны, приближение которого обеспечивается особой культурой скорости и последовательным конструированием образа футуристической страны, что, как считают М.Кастеллс и П.Химанен, характерно также и для Японии [3, с.147].

В основе финской модели информационного общества лежит динамическое взаимодействие между бизнесом и обществом при активной посреднической роли государства. Здесь особенно важны петли динамических обратных связей (положительных и негативных) между ее различными элементами, которые обеспечивают самовоспроизводящийся, расширяющийся процесс. Мотором экономического роста страны является *кластер*, сложившийся вокруг Nokia и других телекоммуникационных компаний. Государство сохраняет за собой две функции: 1) управление развитием и дерегулирование, в т.ч.

¹ Следует иметь в виду, что еще совсем недавно Финляндия была довольно бедной северной страной, в которой холод сгубил больше жизней, чем все войны, вместе взятые. Она обрела независимость в 1917 г. и до конца 1950-х в целом оставалась аграрной страной. Поэтому биологическое, экономическое, политическое, культурное (до конца XIX в. важнейшие тексты ее культуры создавались на шведском языке) выживание Финляндии превратилось в государственную задачу первостепенной важности. Кроме того, столетия вхождения в другие государства сформировали у финнов “психологию меньшинства”, что сегодня становится препятствием на пути к мультикультурному обществу.

поддержку либерализации, приватизации, инновации и хакерской культуры², и 2) социальное обеспечение, включая стратегию на развитие социального партнерства между трудом и капиталом. Источником легитимности финского государства является его признанная роль социального уравнилителя и защитника прав широких слоев населения, его усилия по сохранению социальной и этнической однородности общества, а также его демократический характер. Высокий авторитет государства позволяет сохранять систему высокого налогообложения, поскольку, по мнению большинства населения, именно это и обеспечивает высокий уровень жизни в стране.

Действующая финская модель информационного общества усложняется под воздействием постоянно интенсифицирующихся связей с внешним миром: наиболее приемчивые элементы общества эмигрируют в поисках более низкого уровня налогообложения, растет иммиграция из бедных стран, позволяющая расширять национальное производство при стабилизации численности населения. Уязвимость в ситуации нестабильности финансовых рынков, членство в сетевой структуре государств Европы ставит Финляндию в условия конкуренции с другими развитыми экономиками. Кроме того, складывающаяся пространственная конфигурация национальной модели информационного общества характеризуется точками повышенной концентрации ресурсов и, следовательно, высокой диверсификацией общества в пространственном и культурном отношении. Таким образом, информационное общество порождает новые вызовы.

1. Идет “размежевание” старой и новой экономики, иначе говоря, уже определились те сферы, в которых внедрение информационных технологий идет быстро и эффективно: это собственно информационно-коммуникационная сфера, финансы, здравоохранение и образование. В остальных отраслях хозяйства внедрение ИТ затруднено. ИТ непосредственно связаны с трансляцией постоянно растущего в своем значении символического уровня продукции, информации как опыта, символов и идентичностей. Например, мобильный телефон Nokia — это не просто техническое устройство, а новый стиль, опыт и смысл жизни, новая идентичность. Таким образом, только та компания оказывается конкурентоспособной, которая производит не просто товары или услуги, но и вводит эффективный символический ряд или новую информацию. Это означает, что такой компании необходимо все большую часть своих ресурсов расходовать на создание символического “содержания” продукции.

² Под этим термином П.Химанен понимает не криминальную сетевую субкультуру, а культуру сложившегося сообщества программистов, создающих открытый для *коллективного* совершенствования продукт (типа операционной системы Linux) и не стремящихся к захвату больших сегментов рынка.

2. Складывается определенное противоречие между информационным обществом и структурой социального управления, унаследованной от индустриальной эпохи. Расходы на социальную сферу тормозят финансирование инновационных проектов, таких, как цифровые учебные материалы, создание виртуального университета и др. Отсутствие современной проектной культуры приводит к тому, что мелкие и изолированные проекты, получающие государственную поддержку, обычно существуют недолго и умирают, являя собой, по сути, скрытую разновидность социальных выплат.

3. Возникают новые виды социального неравенства, а социальная нестабильность делает своими первыми жертвами уязвимые слои общества. Гибкие графики труда оказываются не столь эффективными в сферах занятости, которые не связаны с ИТ, что, как следствие, может привести к повышению уровня безработицы; в условиях кризиса будут сокращаться государственные социальные программы (уход за больными на дому, психиатрическая помощь, поддержка наркоманов и алкоголиков). Меньшая обеспеченность техническими средствами и территориальная удаленность от центров технологического развития создают пространственную конфигурацию неравенства. Интеграция Финляндии в ЕС, где социальное расслоение является более глубоким, может вынудить финское правительство приступить к свертыванию социальных программ.

4. В условиях новой экономики молодому поколению финнов не хватает духа предпринимчивости: исследователи констатируют отсутствие ориентации на предпринимательство у подрастающего поколения. Это тревожный симптом, поскольку наиболее динамичной сферой развития бизнеса сегодня являются малые и средние венчурные предприятия, способные радикально трансформировать свои отрасли, а значит — стране необходимы кадры предпринимателей, готовых к осуществлению проектов с высокими рисками. В то же время обеспеченность Финляндии инженерными кадрами уже достигла своего максимума, а мощная социальная защита, обеспечиваемая финским государством, снижает уровень предпринимательской активности молодежи и, следовательно, — возникает ситуация перепроизводства молодых специалистов технической сферы.

5. Обозначился разрыв между традиционной протестантской этикой, основанной на понимании труда как необходимой обязанности и даже подвига, и этикой “хакерской” со свойственным ей страстным и творческим отношением к труду. Кроме того, в современной экономике деньги поставлены выше труда, что проявляется хотя бы в том, что рыночная стоимость компании важнее ее прибыльности, а акции и опционы заменяют жалование. Это приводит к сосуществованию трех культурных парадигм: старой, основанной на стремлении к накоплению, новой культуры фондовых рынков и опционных мил-

лионеров с их показной роскошью и удовольствием, получаемым от труда, и “хакерской” культуры, сочетающей творческую увлеченность работой, глобальное мышление и стремление к сотрудничеству без границ с отсутствием стремления к максимизации доходов.

6. Вхождение в информационное сообщество делает Финляндию уязвимой из-за нестабильности, свойственной глобальной экономике и проявляющейся в постоянном колебании цен, информационной турбулентности, возможности спекуляций, зависимости национальных экономик от цен на акции, высокий уровень которых маленьким странам обеспечить трудно.

7. Наконец, обостряется противоречие между сильной национальной идентичностью, свойственной достаточно монолитному в этническом плане финскому обществу, и интеграцией в мировое мультикультурное сообщество. В новой глобальной экономике каждой стране для вхождения в глобальные сети, обеспечения притока капитала, для выстраивания человеческих отношений необходимо конструировать свой привлекательный имидж. Кроме того, новое общество — это полиэтничность и мультикультурализм. Например, в Силиконовой долине в 1990-е гг. около 30% компаний в области ИТ были основаны индийцами или китайцами. Финляндии пока удастся успешно привлекать капитал, но не людей. Последнему препятствует, например, высокий уровень налогообложения или достаточно суровые климатические условия, законодательный и языковой барьеры. При этом 41% населения страны выступает за еще большее ужесточение действующего иммиграционного законодательства, а 61% связывает приток иммигрантов с ростом беспорядков и преступности. Ксенофобия усиливает позиции правых партий, что создает угрозу международной репутации Финляндии, особенно в Европе, которая уже выбрала полиэтничность и мультикультурализм в качестве базовых ценностей.

У финской модели информационного общества есть и свои преимущества, и главным, видимо, можно считать сочетание социального государства с официальной программой построения нового, информационного общества. Государство сохраняет свою роль основного венчурного капиталиста, поддерживает научные разработки, не боится брать на себя риски, связанные с развитием новых технологий, и одновременно обеспечивает стабильность энергетической инфраструктуры страны, а также сохранность ее природной среды. Система управления демонстрирует синергетический эффект сетевых связей между различными уровнями власти. Всего три поколения назад Финляндия была бедной и аграрной, она смогла сделать стремительный рывок в будущее, опираясь на усилия своего народа, культурную идентичность и сильное национальное чувство, спроецированное в будущее.

Японская модель информационного общества демонстрирует возможности сочетания живой культурной традиции, корнящейся в тысячелетнем социокультурном опыте народа, и способности к адаптации в высокотехнологичном мире. Японское общество демонстрирует пример закрытой саморегулирующейся культурной системы (по типу традиционных восточных обществ), в которой существует “внутренний барьер”, например, по отношению к индивидуализму, сохраняется неприятие доминирующего значения вещного фактора, приверженность мудрости созерцания в противовес активному действию [9, с.225]. Культурный консерватизм здесь проявляется как стремление к стабильности и устойчивости.

В Японии новые информационные технологии и связанный с ними процесс дальнейшего “открытия” общества и его структур стремительно меняют характер и стиль ведения бизнеса, влияют на жизнь, систему ценностей и образ жизни японцев. Тем не менее, большая часть населения страны сохраняет свою приверженность национальным нормам поведения, *группизму*, в основе которого лежит принцип всеобщего согласия. Глубокие исторические корни имеет отношение к труду как высшей ценности, даже если он не ведет к материальному благополучию.

Широкие социокультурные сдвиги в этой стране рассматриваются как результат процесса интернационализации и связанной с ним *конвергенции* [10, с.136]. Ответом японского правительства на глобализацию стал опубликованный в 2000 г. по решению премьер-министра доклад с объясняющим многое названием “На новом рубеже: усиление индивидуализма и совершенствование управления в новом тысячелетии”. В официальных кругах Японии была признана необходимость приспосабливаться к складывающемуся на основе интеграции международному порядку, решающее воздействие на формирование которого на современном этапе оказывают западные течения и направления [10, с.151].

Временем перестройки японской экономики, начавшейся с перемещения главных отраслей обрабатывающей промышленности за пределы Японии, преимущественно – в соседние страны (что оказало стимулирующее воздействие на развитие их экономик), стали 1980-е гг. Центр тяжести собственно японской экономики переместился в сферу услуг. В 1990-е гг. наивысший прирост выпускаемой продукции приходился на информационно-телекоммуникационный сектор, обеспечивший в первой половине 1990-х гг. более 2/3 роста ВВП [7, с.151].

Сегодня инновационный потенциал Японии характеризуется динамично протекающим переходом от сложившейся в предшествующем столетии “вторичности” и даже зависимости в сфере новых, особенно фундаментальных научных разработок и идей к

осуществлению собственных исследовательских программ, которые должны обеспечить качественный прорыв в этой сфере, начиная с 2010 г.

В предшествующие годы важнейшим фактором отставания Японии было отсутствие стремления к разработке инновационных технологий. Их источником для японской экономики долгое время оставались США. Проведенные сравнительные исследования показывают, что в 1990-е гг. абсолютным лидером на этапе исследований и разработок новой продукции являлись Соединенные Штаты, также лидировавшие и в выпуске первых ее образцов. Однако на этапе широкого промышленного производства лидером становилась Япония, хотя и здесь на долю США приходилось чуть менее половины выпускаемой продукции, которая к тому же отличалась особо высокой сложностью и наукоемкостью.

Сравнение Японии с западноевропейскими странами показало, что в области информатики и электроники именно она занимает прочные передовые позиции. В развитии ИТ японские фирмы традиционно выбрали только те направления, которые в перспективе имели широкий рынок сбыта, и усиливали свое внимание к наиболее продаваемым видам электронной техники, поскольку экономическое благополучие Японии всегда основывалось на широком экспорте промышленных товаров, насыщенных электронным оборудованием или его компонентами.

В результате имидж Японии как передовой в технологическом отношении страны складывался под воздействием различных факторов, в том числе – на основании широчайшей представленности на мировых рынках японской бытовой техники (в то время как в сфере промышленной электроники здесь преобладали США). Превосходя Японию в создании и выпуске первых образцов зачастую уникальной технологической продукции, США как бы уступали ей приоритет в реализации инноваций, укрепляя, таким образом, имидж Японии как *технической сверхдержавы*. Оказалось, что в технологическом соревновании Япония опередила США только в сфере техники и технологий производства.

Творческая энергия японцев начинала активно проявлять себя только после завершения этапа поиска оригинальной идеи и осуществления прорыва в новое качество. Эти же тенденции проявились и в сфере разработки программного обеспечения, где Япония имела сильные позиции только в области компьютерных игр.

Причины отставания Японии от США объясняются целым комплексом причин, большая часть которых коренится в традиционализме и закрытости японского общества и культуры. Обмен специалистами, и прежде всего приезд иностранных специалистов в Японию, был в прежние времена весьма редким явлением. Японские исследователи — лауреаты Нобелевской премии и просто авторитетные специалисты добились успеха и

признания не у себя на родине, а в других странах. Все они говорят о том, что творческий потенциал японца со всей полнотой раскрывается только там, где креативность приветствуется и поощряется. В Японии же хорошие условия работы зависят в первую очередь от возраста человека, а финансовая поддержка исследований традиционно увязывается с возможностью быстрой коммерциализации полученных результатов. Таким образом, организация процесса инновации в Японии тормозится поведенческими установками и групповой ориентацией, свойственной национальному мировоззрению. Сегодня осознание этого фактора на организационно-управленческом уровне уже произошло, и это, как надеются специалисты, приведет к отходу от традиционных форм и методов управления инновационным процессом.

Бурное развитие средств мультимедиа и международная конкуренция вынудили скорректировать государственную политику страны, направив ее на развитие внутренней конкуренции в сфере основанных на ИТ производств, перейти к политике дерегулирования и ограничения монополии крупных телекоммуникационных компаний. В 1994 г., в ответ на заявление президента США Б.Клинтона о создании национальной информационной инфраструктуры, японское правительство приступило к реализации аналогичной программы и присоединилось к четырем из соответствующих одиннадцати проектов “большой семерки”, направленных на создание всемирной информационной инфраструктуры. Правительство Японии инициировало информатизацию сфер образования, медицины, социального обеспечения, государственного управления, стало оказывать поддержку созданию новых видов программного обеспечения, современных средств телекоммуникации, электронных библиотек. Министерство строительства выделило специальные средства на прокладку оптико-волоконного кабеля к каждому японскому дому. О своем намерении вместе с правительством участвовать в создании национальной информационно-телекоммуникационной структуры заявили крупнейшие частные фирмы, предложившие ряд исследовательских программ, направленных на разработку и производство новой продукции.

Несмотря на бурный рост кластера ИТ в японской экономике, она сохраняла свое отставание от ведущих в этом отношении США вплоть до конца XX в., и не последнюю роль в этом сыграли черты, свойственные японскому мировоззрению и культуре в целом.

К числу положительных факторов, содействующих построению информационного общества в Японии, безусловно, можно отнести высокий образовательный уровень населения, а также высокое качество рабочей силы и высокую производительность труда. Однако в сфере компьютерной грамотности население страны отстает от стран Запада, что

иногда связывают с особенностями иероглифической письменности, отсутствием по этой причине привычки к использованию пишущих машинок. Кроме того, в японской традиции высоко ценится непосредственное, личное общение, которого не заменяют средства электронной коммуникации.

Созданию современных венчурных предприятий, доказавших свою успешность в сфере ИТ, препятствуют японские традиции выстраивания строго иерархических организаций, в частности в производственной сфере³. Кроме того, необходимая структурная реорганизация может пагубно отразиться на социальной стабильности японского общества, в котором свои ценностные позиции пока продолжает сохранять пожизненный наем и оплата труда за выслугу лет.

Однако главной причиной замедленного роста индустрии ИТ исследователи считают отсутствие быстрого и гибкого реагирования законодательной и государственно-административной систем на стремительный рост отрасли и вызываемые им глубокие социокультурные трансформации. Для Японии всегда было характерно всевластие бюрократии и государства и заорганизованность всех сторон жизни. Система действующего японского законодательства меняется гораздо медленнее и неохотнее, чем западная; законодательные акты отличаются гораздо более общим характером и менее детальной проработкой (по сравнению с американскими или европейскими), что допускает неоднозначные толкования; тексты нормативных актов оказываются малодоступны для субъектов экономической деятельности. Исторически сложились (и отчасти сохраняются до настоящего времени) трудности в поиске нормативных документов: сложно определить их местонахождение в правительственном аппарате, неясно, кому направлять соответствующий запрос, процедура получения документов бывает весьма длительной. Сложилась парадоксальная ситуация, благодаря которой сведения о стране легче получить за ее пределами, например, в США.

Новизна и сетевой характер взаимоотношений внутри информационного сообщества заставили Японию перейти к реформированию всей системы государственного регулирования в направлении большей открытости и прозрачности. До недавнего времени доступ к нормативным документам осуществлялся в форме информации, передаваемой устным путем внутри особых *вертикальных групп*, состоящих из чиновников министерств и исторически связанных с ними представителей компаний, что зачастую вынуждало компании принимать к себе на службу ушедших в отставку государственных чиновников.

³ Подобные структуры – *кэйрэцу* – унаследованы от эпохи индустриального общества, когда они в целом выполнили свою задачу по модернизации национальной экономики.

С 1998 г. правительство Японии приступило к информатизации административных процедур и созданию электронной системы управления. Очевидно, что развитие информационного общества в Японии лежит на пути уменьшения роли бюрократии в управлении страной и перехода к сетевым структурам социальной организации, что должно изменить ценностное отношение японцев к иерархическим общественным структурам в пользу распространения ценностей индивидуализма, некогда столь чуждых их культурному сознанию.

Итак, по мнению современных исследователей [4, с.41-42], можно выделить, по крайней мере, семь особенностей новой, информационной цивилизации, которые так или иначе представлены и в ее национальных моделях.

1. Возникает *принципиально новый технологический уклад общества*, базирующийся на использовании информации и знаний.

2. На его основе создается *глобальная цифровая информационная среда*, формирующая мир сетевых сообществ и информационно-телекоммуникационных систем. Воздействуя на людей, эти системы порождают глобальное сознание.

3. Социально-экономические сдвиги в данном обществе будут определяться *структурой занятости и новым расслоением общества*, основанным на уровне потребления информационных ресурсов и услуг.

4. *Информационный образ жизни*, а также *качество жизни* будут связаны с потреблением информационных ресурсов, что породит принципиально иную информационную культуру общества.

5. Это создаст возможности для реализации человеческого потенциала и даст беспрецедентную *возможность развития и усиления интеллектуальных и творческих способностей человека*.

6. Информационное миропонимание и мировоззрение изменит *картину мира, научную и методологическую парадигмы*.

7. На первый план уже в ближайшее время стремительно выйдет проблема обеспечения *информационной безопасности*.

Страны – лидеры технологического развития уже вступили в эту эпоху. На новые вызовы информационной цивилизации каждое общество ищет ответы не только на путях инноваций и системных внутренних трансформаций. Практика передовых в технологическом отношении стран показывает, что они намерены опираться на традиционную систему ценностей, идентичность и культурный опыт. При этом создание собственных, специфических, *национальных* моделей информационного общества в качестве важного фактора будет обязательно включать культурную и политическую открытость, признание ценно-

стей и этики культурного разнообразия, обеспечивающих сегодня успешное и конкурентоспособное существование наций в рамках глобального информационного сообщества.

Список использованной литературы

1. Всемирный доклад по культуре 2000+: Культурное многообразие, конфликт и плюрализм / ЮНЕСКО. — М., 2002.
2. Гуриев М.А. Информационные технологии как системообразующий фактор развития общества и проблема информатизации российского образования // Информационные технологии. — 2003. — № 4.
3. Кастеллс М., Химанен П. Информационное общество и государство благосостояния: финская модель. — М., 2002.
4. Колин К.К. Социальные аспекты информатизации образования // Информационные технологии. — 2003. — № 3.
5. Кухарева А. Китай наступает // Компьютерра. — 2002. — № 42.
6. Кухарева А. Китайский бум // Компьютерра. — 2002. — № 42.
7. Михайлов А.А. Развитие коммуникационно-информационной технологии в Японии: проблемы и достижения // Япония, 1998-1999: Ежегодник. — М., 1999.
8. Мостовая Е.Б. К вопросу об индикаторах информационной эпохи // Социальные взаимодействия в транзитивном обществе: Сб. ст. — Новосибирск, 2002. — Вып. 4.
9. Япония — 2000: консерватизм и традиционализм. — М., 2000.
10. Япония и современный мировой порядок. — М., 2002.

